

ВЛАДИМИР ТЕНДРЯКОВ – 90

Эх, без креста!

В первый послевоенный год комиссованный по ранению фронтовик бросает ВГИК и поступает в Литинститут, в семинар К.Г. Паустовского. В результате рождается писатель Владимир Тендряков. Его считают одним из родоначальников «деревенской» прозы, но к собственно «деревенщикам» относят с осторожностью. И это правильно! Тендряков изначально выбрал несколько иной идейный маршрут. Ведь никто не считает «деревенщиком» Достоевского, хотя действие «Села Степанчиково» и добрая толика «Братьев Карамазовых» происходит в деревне.

Рассказ «Хлеб для собаки» был опубликован лишь в конце 80-х, как и многие произведения Тендрякова, посвящённые коллективизации. Автор, рассказчик и герой слиты в сюжете накрепко. Мальчик Володя из пристанционного посёлка вместе с другими детьми потаённо наблюдают за мучениями умирающих от голода в березняке ссыльных, не добравшихся до Сибири. Володя пытается их подкормить из своего скудного пайка, но голодных у его забора собирается всё больше. Только Христу удалось насытить пятитысячную толпу пятью хлебами. Философский вопрос начальника станции, по долгу службы вынужденного следить за «куркулями», зву-

чит как бы от автора: «Что же вырастет из таких детей? Любуются смертью. Что за мир станет жить после нас?» И автор поражается тому, как впечатлительный мальчик не сошёл с ума при виде людских страданий и признаётся, что виденное «обмозолило» его душу. Мальчик прогоняет голодных и начинает прикармливать ничейную собаку, а автор понимает, что «не облешего от голода пса кормил я кусками хлеба, а свою совесть».

В конце 50-х Тендряков «выстрелил» циклом повестей, которые очень помогли подувядшей атеистической пропаганде укрепить свои позиции. В повести «Чудотворная» ученик Гумнищенской неполной средней школы Родька Гуляев находит древнюю икону, и его бабка Авдотья распускает слух, что эта икона – чудотворная, а её внук – святой. Верующие сельчане объявляют мальчика «Божьим избранником». Но правоверный пионер Родька упорно им сопротивляется и встречает поддержку доброй учительницы – атеистки и коммунистки. Сейчас повесть о «тёмных православных» встретила бы сочувствие разве что у поклонников Pussy Riot. Но без поправки на время живут только произведения титанов – таких, как Шолохов или Леонов. В начале 60-х повесть переиздавалась сотысячными тира-

жами. Была адаптирована для младших школьников, экранизирована, а инсценировка в театре «Современник» выдержала 800 спектаклей! Только вот как-то забылось, что название пьесы – «Без креста» – очень уж явно коррелирует с поэмой Блока «Двенадцать» («Эх, эх, без креста!»).

Но был ли Тендряков «воинствующим атеистом»? Нет, он был классическим гуманистом-агностиком, который никогда не путал народную веру и официальную религию. И все его следующие книги, особенно «школьный» цикл 70-х, доказывали это! Дюшка Тягунов в «Весенних перевёртышах» мучается «достоевскими» вопросами: «Что такое жизнь? Есть ли бессмертие? В чём смысл человеческого пути?» В «Расплате» учитель Памятнов, воспитанник которого убил собственного отца, признаёт, что его доктрина («воюй с подлостью любимыми средствами») несостоятельна, а отсутствие духовной основы начинает считать главным недостатком системы.

А уж роман «Покушение на миражи» (1982) окончательно опровергает репутацию «атеиста». Первоначально роман назывался, заметим, «Евангелие от компьютера». Герои-программисты вводят в программу историю человечества. Всю, кроме истории, описанной четырьмя евангелистами.

Но «изъятый» Христос необъяснимо воскресает и путает экспериментаторам все карты.

Поздний Тендряков – особенно его публицистика – не прочитан. Он размышлял о собственности и культуре, об экономике и прогрессе. Но главной для него всегда была проблема нравственная, без которой русского писателя нет. Вот что писал Тендряков педагогу и прозаику Г. Медынскому, воспитательными романами которого некогда зачитывалась советская молодёжь: «Нравственный призыв столь же важен, как и преобразование общественного устройства. Ни о каком преобразовании не может быть и речи, если люди не проникнутся страстным желанием его».

А желание, да ещё страстное, не возникнет у того, кто пребывает в анабиозе. Кто-то должен будить людей!»

ДЕНИС ЗУЕВ